

ЧЕТВЕРТАЯ ВЛАСТЬ

По неприятелю – полный огонь? Взгляд на историю журналистики позволяет лучше оценить объективность современных российских СМИ

Д.С. Стровский

Читаю прессу... Не покидает ощущение, что находишься на поле боя, когда картина происходящего измеряется по принципу: свои и чужие. Третьего, похоже, не дано.

Многие нынешние журналисты забыли, что главная задача СМИ — информировать общество о происходящем, а не подменять собой суды и прокуратуру. Впору усомниться: да разве возможна беспристрастность пера, когда рынок современных СМИ поделен между собственниками? Вряд ли. Вместе с тем, объективность сообщения — и это уже журналистская аксиома — предполагает предоставление самых различных точек зрения «по поводу». В одном номере газеты или журнала. Более того, в одном материале (дабы внести максимальную ясность в суть спора, конфликта и т.д.). Чтобы уже на основании этого делать выводы о происходящем.

Так, во всяком случае, поступают многие зарубежные СМИ, предлагающие набор мнений по одному и тому же факту или событию и собственный комментарий в отношении происходящего. Для комментария отводится отдельное место — на одной из внутренних страниц. Предполагается, что, перелистав первые полосы газеты, читатель уже ознакомился с сутью происходящего, поразмыслил над ним, а вот теперь анализирует позицию редакции по данному вопросу. Словом, факты — отдельно, журналистские

рассуждения — отдельно. И никто в этом случае не упрекнет редакцию в том, что она пренебрегла различными взглядами, убоившись объективности. Как раз наоборот: и объективность информации представлена, и собственное «лицо» сохранено.

Почему же у нас все по-другому, когда в газетах и журналах зачастую присутствуют только две позиции: своя и неправильная? Почему за объективность подается то, что априори таковой быть не может?

Боюсь, что точных и однозначных ответов на эти вопросы быть не может. Очевидно, что в данном случае дело не в конкретном газетчике — редакторе ли, репортере. Проблема, на наш взгляд, упирается в особенности национальной журналистской культуры, которая формировалась не за один день и имеет определенные очертания по части того, о чем и как писать. На эту культуру повлияли не только многолетние традиции в сфере СМИ, но и исторические особенности развития нашей страны, мировоззренческие ориентиры ее общества, уровень взаимодействия этого общества и власти и многие другие особенности социально-политической эволюции, складывавшиеся долгое время.

Безапелляционный тон и отсутствие этики, присущие многим нашим изданиям, — следствие не одних лишь катаклизмов, которые происходят в нашей повседневной жизни. Сама жизнь хотя и провоцирует конфликтность

между отдельными людьми и общественными группами, но не является главной причиной нетерпимости в обществе. Нетерпимость сформировалась много раньше, и мы сегодня повсеместно лишь пожинаем плоды привычного мышления, накладывающего отпечаток на различные сферы деятельности, в том числе и журналистику. Отсутствие или, во всяком случае, повсеместный недостаток толерантности, по нашему мнению, кроется в авторитарном характере социальных отношений, традиционно присущих нашему обществу.

На практике авторитарность проявила себя в установлении права на истину со стороны одной политической власти. Властный монополизм в отсутствие политического плюрализма всегда был присущ России. Но он испокон веку бытовал не только в системе государственного правления. В стране во все времена проявляли себя жесткая подчиненность большинства меньшинству, нетерпимость к чужому мнению, пренебрежение к закону и праву личности. Все это формировала общую для всех и каждого одномерность восприятия окружающего мира.

Отсутствие толерантности на различных ступенях социальной лестницы неизбежно приводило к социальным взрывам, бунтам, переворотам, революциям и многим другим конфликтам. Это с достаточной регулярностью приводило к смене «сущностей» политико-экономического развития страны, а зачастую и к отрицанию многообразного духовного наследия прошлого. Ослаблялось интегрирующее начало российского общества, его способность в нужный момент предохранять себя от «фактора разрушительности».

Политолог А.С. Панарин применительно к России ввел даже такие термины, как «мобилизационная идеология» и «мобилизационная стратегия» (Панарин А.С. Российская политическая культура: прогнозы на XXI

век // Власть. 1997. № 11. С. 46-49.), которые весьма точно определяют особенности повседневного сознания и поведения широких слоев российского населения. Мобилизационный характер развития нашего государства, сформированный историческим путем, в известной степени, обусловил убежденность общества в том, что разовыми, но достаточно жесткими усилиями можно добиться оптимального результата в переустройстве окружающего мира.

Постоянное проявление в ходе исторической эволюции общества политико-экономических «рывков» выработало у широких слоев населения пренебрежение к легитимности власти. На этом, кстати, успешно сработали большевики, разорвав в октябре 1917 г. эволюцию общественных отношений. Но саму эволюцию непрерывной назвать весьма затруднительно. Приведем высказывание отечественного философа — Н.А. Бердяева, который, сравнивая реформы Петра I и результаты пролетарской революции 1917 г., заметил следующее: «Та же грубость, насилие, навязанность сверху народу известных принципов, та же прерывность органического развития, ... тот же централизм, то же желание резко и радикально изменить тип цивилизации» (Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Париж, 1995. С. 12.). А мы в свое время столько писали об уникальности большевистского подхода...

Жесткость, нередко бескомпромиссная позиция общества к решению социально-политических вопросов особенно активно проявили себя в советскую эпоху. Они во многом стимулировались усилиями правящей элиты. Впервые в мировой практике партия, пришедшая к власти, распространила свое влияние на все без исключения политические, экономические и социальные институты. Общечеловеческие нормы оказались строго подчиненными классовому подходу, в массовое сознание внедрялось пренебрежительное

отношение к прежнему политическому опыту, привычному бытию, морали, духовной жизни. Вместе с тем, большевики, пренебрегая наследием прошлого, по сути, повторили многовековую политическую «традицию отрицания». Пусть и в иных формах, с иной степенью жестокости. Но повторили!

Все это не могло не отразиться на содержательном уровне журналистики советского времени. Как выразитель интересов широких слоев общества, она, так или иначе, впитала в себя проявления его культуры, менталитета и настроений. Одновременно с этим, отражая мнение партии по самым различным вопросам, СМИ проводили идейно-политическую линию правящей власти. И вот что примечательно: в своих устремлениях отказаться от «старого мира» интересы власти и широких слоев общества полностью совпали. Позиция журналистики оказалась предопределенной.

«Старый мир» в сознании обеих сторон ассоциировался с дореволюционной культурой, индивидуальным мышлением и трудом — со всем тем, что мешало формированию классового сознания. Партийная журналистика активно утверждала в общественном сознании отрицание всего того, что мешает новым социально-политическим приоритетам. Отсюда и тема неприятия любого инакомыслия, как антипода унифицированному общественному мышлению и поведению, выглядела заметной на страницах печати с самого начала существования советской власти.

Ярким подтверждением этого стал период 1920-1940 гг. Именно в это время под воздействием сложившейся политической реальности особенно проявилась категоричность журналистики, ее односторонность в оценках той или иной ситуации.

Уже в первой половине 1920-х гг. в стране возникла разветвленная сеть периодических изданий, как газет, так и журналов, со страниц которых был дан

решительный бой религиозному «дурману». Только в Москве выходило около десятка изданий, направленных на различные слои населения, где эта тема стала главной (массовая иллюстрированная газета «Безбожник», массовые журналы «Безбожник» и «Безбожник у станка», научно-методический журнал «Антирелигиозник» и другие). Наряду с этим материалы на отмеченную тему были распространены во всех СМИ, что свидетельствует об ее значимости для формирования единого общественного сознания. Пресса писала о недопустимости участия населения в религиозных обрядах, обманном намерении представителей духовенства, необходимости повсеместного закрытия храмов, сеющих антиреволюционные настроения и т.д. Одновременно с этим со страниц различных СМИ звучал призыв покончить с «антинародной» и «антипролетарской» деятельностью церкви, противопоставляющей себя народу.

Вот как ставили вопрос, например, «Известия» в 1922 г.: «Мы и они! Дело ясно. Здесь два лагеря: лагерь народа, лагерь революции, и лагерь врагов народа, лагерь контрреволюции, в котором рясофорные и митроносные агитаторы играют первую скрипку... Пора взяться за режиссеров и за главных вдохновителей контрреволюционного похода. Они теперь ясны. И рука революционного закона не должна дрогнуть, нанося последний удар — в интересах спасения миллионов голодающих, в интересах спасения завоеваний революции, т.е. в интересах миллионов рабочих и крестьян!» (Известия. 1922. 5 мая. С. 1.).

«Мы и они», «Два лагеря»... Меч революции тогда разил решительно. Подстать этому действовала и пресса. Так что нынешней журналистике с ее непримиримым тоном есть у кого учиться.

В отмеченном номере «Известий» сообщалось, между прочим, и о проведении в Москве судебного процесса над 54 представителями

церкви. То, что упомянутый выше революционный удар, будет разящим и исход судебного процесса predetermined, свидетельствует восприятие газетой людей, оказавшихся на скамье подсудимых: «Обвиняемые путаются, неуклюже изворачиваются, запутывают и себя, и других, ссылаются на случайности, на «роковые обстоятельства», всячески унижаются, они жалки в своей перепутанности перед ответственностью за ими же содеянное» (Ашевский А. И «святейший», и «правительствующий»... // Там же. С. 1).

Предложенный подход — дать психологическую характеристику отрицательным героям (без предоставления им возможности высказаться в ответ) и одновременно с этим обрушить на них мощный поток критики — был присущ нашей журналистике не только в первые послереволюционные годы, но и в последующем. В журналах «Безбожник», «Безбожник у станка» постоянно давались уничижительные зарисовки о представителях церкви — «отсталой публике», «мракобесах», «обманщиках» и т.д., чтобы на их основе сделать более глобальные выводы о пагубности религии. К примеру, накануне празднования рождества «Безбожник у станка» недвусмысленно замечал, что «все социальное содержание этого «праздника» преследует одну цель: убить классовое самосознание трудящихся..., вызвать неверие в дело социалистического строительства, вызвать сомнения и колебания, вызвать вражду к советской власти и тем самым нанести ей удар» (Стуков И. Антирождественская кампания — мощный удар по классовому врагу // Безбожник у станка. 1932. № 24. С. 2.). Не оставалась в долгу перед читателями и местная пресса, по сути дублируя высказывания столичных СМИ. Листая, например, «Уральский рабочий», «Челябинский рабочий» этого времени, видишь аналогичные оценки в отношении религии, духовенства, обрядов. Только категоричность

высказываний здесь зачастую еще заметнее...

Это в той же мере относилось к сферам литературы и искусства. Во второй половине 1920-х гг. критике начали подвергаться многие литераторы, художники, деятели театрального искусства. Основной упрек сводился к их оторванности от народа, пренебрежению к культурным запросам масс, недооценке коллективистского сознания.

Именно с позиции соответствия деятеля искусства поставленным политическим задачам в области культуры давалась оценка любому проявлению творчества. Вот что отмечалось, в свою очередь, по поводу музыкальных форм, таких, как городской, цыганский романс: «Халтура, проституционный стиль «цыганщины», пошлые и похабные песни и рассказы в крупных культурных центрах обычно исполняются под прикрытием маски революционности. [...] До сих пор еще они не получают должного отпора от местной общественности. До сих пор еще общественность не осознала в должной мере идеологическую вредность так называемого «легкого жанра», внешне невинной музыкалки, протаскивающей кабацкие и мещанские настроения» (Рост. 1930. № 13. С. 26.).

В конце 1940-х-начале 1950-х гг. не осталось, пожалуй, ни одной сферы культуры, которая не была бы подвергнута идеологическому разгрому в прессе. «Просочился чуждый и враждебный советскому народу, советской идеологии дух буржуазного национализма», — отмечалось, например, в передовице «Правды» 11 сентября 1946 г., посвященной киноискусству. «Совершенно нетерпимо, — говорилось в другой редакционной статье от 11 августа 1947 г., оценивавшей развитие художественного творчества в нашей стране, — что наряду с искусством социалистического реализма у нас существуют течения, представляемые поклонниками буржуазного упаднического искусства, которые считают своими духовными

учителями французских формалистов Пикассо и Матисса...».

Такого рода высказывания были характерны в послевоенный период для всей центральной прессы. Кроме того, к упрекам по поводу «лженоваторства» в искусстве добавилась и критика в адрес отдельных деятелей культуры за их космополитические настроения, выражаемые в «низкопоклонстве» перед Западом. Между тем, знакомясь с аналогичными материалами, зачастую было нелегко распознать, где кончается «формализм в искусстве» и начинается «безродный космополитизм». Очевидно, что во всем этом проявлялась общая тенденция неприятия в культуре и общественной жизни в целом любых нестандартных проявлений, поскольку они представляли идейно-политическую опасность для правящей власти и государственной системы, построенной на авторитарных началах. Вынесение критических оценок в адрес многих деятелей культуры посредством прессы хотя и не приводило к последующим судебным разбирательствам, но нередко вело к исключению этих людей из творческих союзов, прекращению для них возможности выезда за границу и т.д. Однако несравненно большие потери благодаря таким приговорам несла культура в целом. Ее направленность по определенному идеологическому вектору привела к отторжению от массового внимания значительной части искусства и, в конечном итоге, обеднению духовной жизни в стране.

Правильно утверждать, что упрочение в годы советской власти авторитарной традиции, жесткое воздействие власти на повседневную жизнь граждан предопределили формирование особой журналистской культуры. Она была характерна отсутствием дискуссионности, права журналистов на собственную трактовку темы,

наличием определенной этики и многими другими проявлениями, определившими не только «лицо» этой культуры, но и во многом нашу повседневную жизнь. И прежде всего потому, что привитый «сверху» уровень творчества затронул не только отдельные СМИ, но всю журналистику в сотнях и тысячах газетных и журнальных изданий.

В силу сказанного беремся утверждать, что проблема объективного информирования в нашей стране посредством СМИ имеет глубокие исторические корни. Традиция, как социальное явление, активно проецируется на нынешнюю политическую, духовную сферы, в рамках которых развивается «четвертая власть». Стоит ли в таком случае удивляться, почему ныне мы унаследовали тенденцию упрощенного восприятия окружающего мира, почему, как и прежде, ищем виноватых? Тем более, что разделение самого мира на «белое» и «черное» не закончилось сороковыми годами, а продолжилось в последующие десятилетия. Правда, в 1990-е гг. мы активно заговорили о примирении. Однако что с того... Возведение «баррикад» для ведения борьбы с противником, политическим ли, духовным, по-прежнему остается укоренившейся нашей чертой. Для многих журналистов такой стиль восприятия действительности даже соблазнителен. Легче оказаться на виду и удовлетворить личные творческие амбиции. А скрупулезное разбирательство в постоянно возникающих конфликтах — трудное это, право, дело и не слишком благодарное.

...Так что, похоже, нам еще долго сталкиваться в журналистике с истошными возгласами «Ату!»». Шинель-то, из которой, по словам критика, все мы вышли, была действительно одна.